Н. Кент

ВПЕЧАТЛЕНИЯ АНГЛИЧАНИНА ДЖОЗЕФА АЧЕРБИ О ЛАПЛАНДИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА*

Двухтомная книга «Поездки через Швецию, Финляндию и Лапландию к мысу Нордкап в 1798 году и в 1799 году»[1] является уникальным источником по изучению северной Лапландии конца XVIII века, составленным путешественником из Англии Джозефа Ачерби. Эта книга представляет собой многообразие разнообразных впечатлений автора, начиная от положительных и одновременно отрицательных для европейцев красок ужаса от отдаленного от Западной Европы края, и в тоже время наполнение его романтическими образами, также как и стремление дать представление о жителях Лапландии, как о «дикарях», столь широко популярных для мыслителей эпохи Просвещения.

После довольно длительного пребывания в Лапландии Ачерби сразу же заявляет, что это не то место, которое способно расположить к себе. Он пишет: «Жутко длинная зима и угнетающие мучающие тысячи насекомых летом — это, по мнению большинства, уничтожает любые положительные впечатления от красоты природы или от притягательности сельской жизни». Также он сетует на отсутствие у народа саами, проживающего в этом крае, элементарной цивилизации. Так о саамах финляндской деревни Муонионикка он пишет: «Лапландцы-пастухи не знают ни поэзии, ни музыки, ни музыкальных инструментов».

---

* Перевод с английского языка выполнил к. филол. наук, доцент РХГА С. Г. Халипов.

Причем, очевидно, что такой обзор местного населения несколько наивен, также как и те положительные впечатления автора, которые у него возникают от его знакомства с саамами. Он пишет: «Люди здесь ведут крайне трезвый образ жизни, спиртных напитков они вообще не пьют за исключением лишь свадебных праздников, когда обычно находятся в крайнем веселии. Процедура женитьбы представляет собой обед в их стиле, а затем танец, но без всякой музыки, кроме криков и пощелкивания пальцами. Они не интересуются пивом... Священник заверял нас в самых патетических тонах, что на двухстах квадратных милях его прихода невозможно выпить ни одной рюмки коньяка; он сказал нам также, что пьянство считается самым постыдным пороком, и мы не могли не заподозрить, что это одна из причин того, почему его прихожане так мало уважают его. Болезни очень редки среди этих людей; некоторые крестьяне его прихода доживали до ста десяти лет: единственная опасная болезнь для местных жителей — это воспаление легких».

Джозефа Ачерби явно удивляют также способы бороться с насекомыми, которые буквально кишат в Лапландии летом. На автора произвело сильное впечатление то, что «он обнаружил, приблизившись к ним [саамам], поскольку их лица были намазаны смолой, а их голова и плечи покрыты материей, защищающей от комаров». Другой отрывок книги рассказывает о передвижных жилищах саамов, которые состояли из шестов, связанных в их верхнем конце кожаными ремнями, и которые затем плотно оборачивали кусками парусины. Удивительным для автора также было разнообразие, с которым местные жители использовали дым. Ачерби наблюдал, как «во время доения над головой того, кто доил домашнее животное, держали факел так, чтобы с помощью дыма от него отгонять комаров, позволяя таким образом животному быть избавленным от укусов насекомых и быть весьма спокойным». Тем не менее, Ачерби заключает: «Удовольствие, испытываемое летом после отвратительной зимы, длящейся с сентября до июля... полностью исключено из-за этих ужасных мух».

Личная гигиена также, по мнению автора, оставляла желать много лучшего: «Лапландцы нечистоплотны, а их одежда грязна и неприятна до невозможности. Рыбу во время еды они держат руками, жир с нее стекает по их рукам, затекая в рукава их

одежды, запах которой чувствуется на расстоянии нескольких ярдов. Девушкам свойственна бóльшая чистоплотность, ведь это некоторое приличие их пола». В нравственном смысле он нашел их добрыми и заботливыми людьми, ибо, как он сообщает, «мы наблюдали, что они облегчают ношу тем, кто не в состоянии нести тяжелые вещи».

В отношении сохранения здоровья для саамов, по наблюдению Джозефа Ачерби, большую роль играли природные лекарства, которые занимали значительное место в их жизни. Он, например, отметил важное значение таких трав, как angelica (дягиль), а также сока некоторых деревьев. Он еще заметил, в частности, что саамы для приготовления лекарственных мазей применяют еловую смолу, а сухожилия оленей используют для того, чтобы лечить растяжение мышц. Лапландцы нередко применяют кровь от убитых ими тюленей или оленей для лечения внутренних расстройств.

Для автора явно было удивительным то, как саамы воспитывают своих детей. Относительно детей саамов он писал: «Лопари не обращают внимания на своих детей, словно их не существует. При этом они явно страдают от их проказ, но при этом проявляют полное безразличие. Дети же, не заботясь ни о чем, чувствуют себя хозяевами. Родители не говорят им ни единого слова, не делают им замечаний, даже когда те, например, обливают водой обувь гостей. Их никогда не наказывают. Их способ обучения детей — не воспитывать их вообще».

Следует заметить, что к этому времени христианизация саамов еще не была завершена, но Ачерби понимал, в отличие от большинства других европейских путешественников этого края, ужасавшихся устойчивости здесь языческих верований и обычаев, необходимость существования для лапландцев их традиционной «народной» веры. Местный священник жаловался Ачерби, что «кочующие лопари еще сохраняют некоторые пережитки язычества. На пустырях встречаются камни, имеющие сходство с человеком. Лопари, переходя со стадами оленей с места на место и проходя мимо такого камня, подносят ему жертвоприношения, как идолу. Рядом всегда можно видеть оленьи рога». Однако Ачерби видел и другую сторону этого явления. Он отметил: «Когда монархи Северной Европы, подвигнутые духом веры и благочестия, направляют своих

миссионеров в этот забытый богом край, чтобы проповедовать Евангелие и распространять христианство, миссионеры не забывают за свои труды здесь получать благодарственные дары. А бедные, невежественные лопари терпеливо пытаются оплачивать эти труды тем, кто просто обещает им счастье в мире ином, которое, вероятно, состоит, по мнению лопарей, в употреблении ими с утра до вечера коньяка».

Но Ачерби казалось, что все попытки не имели должного успеха среди этих людей, которые полностью пренебрегали христианством и его праздниками. Действительно, Ачерби отметил, что «во время общения с этими людьми нельзя было не заметить ни малейшего знака уважения к религии или набожности». Здесь он, естественно, имел в виду христианскую веру, поскольку язычество достаточно очевидно продолжало у них проявляться. Скалы и горы считались у саамов святыми местами, и многие поклонялись им. Ачерби писал: «Лопари, одетые в свои лучшие одежды, посещают их ежегодно. Даже если они не совершают новые жертвоприношения, они оставляют нетронутыми кости, сохранившиеся от прежних жертв языческим богам. Ни в коем случае они не ставят переносное жилище в этих святых для них местах, чтобы не беспокоить божеств криками их детей или прочим шумом. Проходя мимо этих мест, они проявляют большое уважение. Около этих мест они никогда не охотятся ни на лису, ни на медведя, ни на другое животное. Если же среди них окажется женщина, ей придется обязательно отвернуться от этого места и прикрыть лицо руками», поскольку женщинам строго запрещается все то, что для мужчин считалось бы священнодействием. Ачерби утверждает: «Женщина не могла также готовить жертвоприношения; это являлось исключительно привилегией мужчин, относящихся к т. н. “ноайды”... Эти мужчины умели разделить разные части животного в зависимости от характера жертвоприношения и божества, которому оно было предназначено. Причем в этом случае они постоянно одевали еще особую одежду».

Сами «ноайды» и их бубны, разумеется, являлись главными признаками религиозности саамов, которую все путешественники могли наблюдать на протяжении почти тысячелетия. Ачерби сообщает нам: «Прежде чем лопарь отправляется в далекую поездку или предпринимает что-то для него важное, он

обязательно посоветуется со своим бубном. Он на бубен кладет кольцо, используемое только для этой цели, и затем резко бьет по нему молоточком из оленьего рога. Кольцо колеблется и движется по поверхности из стороны в сторону, и когда оно касается определенных изображений хорошего или плохого знака, лопарь предсказывает успех или неуспех своего предприятия. Например, если кольцо движется по ходу солнца, то лопарь знает, что ему все удастся; если против хода солнца, то его охота или рыбалка будет безуспешной».

Разумеется, «юойге», то есть песнопение, также часто упоминается в наблюдениях Ачерби. «Оно используется, отмечает он, «ноайдом» во время занятий магией. Сказать, что это песня, означает дать неверное представление о манере шамана производить песнопение, которое он исполняет в виде отвратительного рода криков. Песнопение также часто используется непрофессиональными шаманами; поскольку «юойг» («йойк»), по-видимому, считался способным прогнать волка и защитить стадо».

Однако всяческое романтическое восприятие древней саамской религии исчезло, когда автор стал рассматривать ее вредоносное воздействие на повседневную жизнь саамов. Ачерби писал: «Жертвоприношения в условиях значительного сокращения количества скота часто доводило лопарей до настоящей нищеты. Горные лопари в момент эпидемии оспы или кори могли с большим трудом преодолевать эти болезни, поскольку их кожа покрывалась коркой и становилась непроницаемой из-за грязи и дыма, сопровождающих их жизнь. Лечение же заключалась в том, что они приносили крупные жертвоприношения во время своей болезни — порядка 12 оленей с человека».

Почему христианству так и не удавалось здесь победить? Ачерби, размышляя, об этом считал, что, «поскольку христианской Бог, по-видимому, обещал им счастье лишь в будущей загробной жизни и был слишком мягким, чтобы помогать им при болезнях, лопари считали выгодным продолжать жертвоприношения богам своих предков, чтобы избавиться от болезни и злой судьбы в настоящем».

Христианство проникало в сообщество саамов из центра церковного прихода, который мог и не быть крупным. Ведь саамские деревни, благословленные наличием лютеранского

священника, были небольшими. Так, деревня Каутокейно во время визита Ачерби насчитывала только четыре семьи и одного священника, но имела свою кирху. До этого, а точнее, до 1751 г. ее территориальный статус был неясным. Лишь по договору между Швецией и Данией деревня стала принадлежностью Норвегии, а значит, Дании. Даже более обширный приход, доходящий до 25 норвежских миль по длине, и 12 по ширине[2], был очень малонаселен, поскольку только два района этого прихода были заняты оседлыми лопарями, т. е. где-то двенадцатью семьями. Все остальные были кочевыми, или, по выражению Ачерби, «бродячими». Их насчитывалось в 1756 г. до 90 семей. Некоторые из них временами переходили в другие приходы.

Можно было бы представить их вполне самодостаточными. Но Ачерби этого не увидел. Он лишь отметил, что они скорее могли себя обеспечить, «охотясь и рыбача, нежели занимаясь хозяйством. Они легко при этом меняли излишки рыбы или шкуры медведей и прочих убитых ими животных на зерно».

Несмотря на редкость населения Лапландии, был период, когда эта небольшая деревня Каутокейно становилась центром оживленной жизни края. Это происходило в момент организации здесь ежегодной февральской ярмарки. Сюда собирались люди сразу с четырех стран северного региона, включая русскую Лапландию, купцов из шведского Торнио и саамских оленеводов с Кольского полуострова. Как отмечает Ачерби, «все они приезжали в Каутокейно для продажи оленьих шкур, меха и прочих предметов. На этих ярмарках средством торговли является бартер. Лопари отдают шкуры оленей, лисиц, волков и медведей с рукавицами и обувью, вернее короткими сапогами, в обмен на грубую фланель, но в основном в обмен на коньяк, табак, муку и соль».

Причем любопытно, что людьми несколько побогаче автору показались береговые норвежские лопари. «Каждый лопарь — владелец территории вокруг его маленького жилища в одну норвежскую милю, то есть 8 английских в любом направлении. У них есть коровы, снабжающие их прекрасным молоком, и луга, дающие коровам корм зимой. Каждый из них имеет запас рыбы, высушенной на солнце, не только для собственного потребления, но и как средство для покупки роскоши, то есть соли, овса и некоторых шерстяных предметов одежды. Их дома

построены в виде чумов с отверстием в середине, которое дает свет и служит для пропуска дыма от костра, который разводится прямо в центе чума. Именно вокруг места, где разводится в чуме костер, они спят, тесно прижавшись друг к другу. Зимой, помимо жары от костра, они ощущают тепло от коров, которые находятся в том же чуме, так же, как это заведено у шотландцев, горцев или обитателей северных островов. Двери чумов летом всегда открыты, и, хотя в летний сезон ночь так и не наступает, они привыкли спать в то же время, что и прочие европейцы...»

Несмотря на то, что, как замечает автор, прибрежные саамы спят одетыми, он уверенно утверждает, что «видел очень мало мест, где люди живут столь легко и просто, как в береговых районах Лапландии», но далее все же отмечает: «Поскольку Норвегия заполонена нищими, нищенство известно и в Лапландии».

Однако внутри сообщества ситуация была не столь радужной. Конфликты саамов и новоприбывших колонистов с юга были достаточно частыми. Уже население деревни Энонтекис с ее окрестностями было 930 человек, из которых 250 являлись колонистами. Более того, если береговые саамы и колонисты пользовались лампами, мебелью и прочими удобствами, горные саамы этого всего не имели. «Стулья, столы или подобного рода вещи, необходимые всем людям, совершенно им были не нужны. Вся их кухонная утварь состоит из нескольких медных котелков, оловянных чайников, деревянных чаш и костяных ложек. К этому скудному перечню некоторые люди побогаче добавляли еще две-три оловянных тарелки и несколько серебряных ложек».

Однако было одно значительное исключение из этого правила: «Самый изысканный предмет мебели во владении лопаря — это люлька его ребенка — кусок дерева, выскобленный и углубленный рукой лопаря... С помощью веревок люлька крепилась к спине матери на время ходьбы».

Далее Ачерби весьма подробно постарался описать еще брачные обычаи и структуру семейной жизни. Он нашел, что саамы редко вступали в брак с иноземцами и что процесс ухаживания следовал строгим формальностям: «Когда лопарь намерен жениться на юной лопарке, он сообщает об этом желании своей семье, которая, в свою очередь, направляется к жилищу родителей девушки, захватив с собой коньяк для

выпивки по данному случаю, а также некоторый подарок для молодой женщины, например вышитый серебром платок, кольцо и т. д. Подойдя к двери чума, где она живет, сват входит первым, за ним прочие родственники, жених же остается снаружи, ожидая, чтобы его пригласили войти. Как только все войдут, сват наполняет чашу коньяком и протягивает ее отцу девушки, который, принимая чашу, показывает одобрение брачного предложения».

Однако Ачерби особенно изумляло то, что в отличие от остальной Европы роды у жены принимал сам муж. На другом же конце жизненного пути похороны проводились только мужчинами, и в очень ограниченном составе: «Церемония похорон незначительна. — пишет автор. — Тело, обернутое в грубую материю, несут к могиле в присутствии небольшого сопровождения из членов семьи и друзей умершего, для развлечения которых готовят немного еды... Лопари соблюдают древний обычай хоронить в земле охотников, хорошо стрелявших из лука или из ружья, вместе с их оружием, — обычай в честь их божеств. Надгробие — перевернутые старые сани. Раньше было принято насыпать над могилой кучу камней, но это уже не делается, — замечает Ачерби, — и единственный могильный знак — старые сани». В целом, очевидно, что автора, больше всего поражала экзотичность саамов.

Далее же в книге описывается визит датского короля Христиана VI в свои норвежские владения в Лапландии в 1733 г. и что за ним затем последовало. Он пишет, что тогда «молодых лопарей пригласили посетить королевский двор, где их милостиво должен был принять сам король», но саамы это приглашение, как замечает автор, не приняли. «Лишь позднее, — отмечает Ачерби, — молодой лопарь Петер Николас Копфнес согласился все же отправиться на судне в Копенгаген. По прибытии в Копенгаген ему был оказан великолепный прием. Его красиво одели и заботились о нем... но осенью он заболел и в конце года скончался... Его тело было торжественно похоронено, а красивые одежды, дарованные ему королем, были посланы в виде утешения его родителям». Этот печальный рассказ символизирует добрые, но часто неудачно заканчивающиеся стремления наладить контакты саамов с их южными соседями, осуществлявшими политическую власть над их родиной.

В итоге, можно сказать, что хотя Ачерби и обладал острым талантом наблюдателя, но и он все же стал жертвой романтизма, из-за которого часто просто был не в состоянии отличить фантазию от реальности в отношении саамов. Эта черта до сих пор, к сожалению, продолжает доминировать в связях саамов с окружающим им миром.

---

[1] *Acerbi J.* Travels through Sweden, Finland, and Lapland, to the North Cape in the Years 1798 and 1799. Vol. I, II. London.1802.

[2] Норвежская миля — 8 английских миль или 1,61 километра.